

ние — были якобы замечены многими «видоками» — плывущими мимо гостями, охотниками или пастухами, но никому не пришла мысль «о взъискании телесе святааго».

Сюжет гибели злодея Святополка, отраженный в «Чтении» несколькими строками,¹²² в «Сказании» развернут в большое повествование о борьбе Ярослава со Святополком, приведшим много печенегов.¹²³ С эпической силой описана победоносная битва на Альте и страшный конец Святополка, пораженного параличом и манией преследования, несомого на носилках все дальше и дальше от родной земли и кончившего свою жизнь где-то в пустыне между чехами и ляхами, а его могила источает и до сего дня злой смрад «на показание человеком... отмстия зьлым делателем». Ряд параллелей из житий и священного писания подтверждает торжество справедливости и поражение зла.

Только после смерти Святополка и прекращения «крамолы в Русьске земли» Ярослав берется за прославление братьев: прах Глеба (якобы нетленные мощи) торжественно переносят в Вышгород и погребают рядом с Борисом.

Далее в «Сказании» помещена похвала святым князьям, примечательная как по своей форме, так и особенно по содержанию.

Соответствующая похвала в «Чтении» как бы разделена на две части — одна завершает рассказ о жизни и смерти князей, вторая является концовкой всего «Чтения».¹²⁴ О первой мы упоминали, в ней выражена благодарность богу за появление новых святых и дана характеристика их как целителей, направленная на привлечение к ним народных масс. Во второй — основная мораль «Чтения» обращена к феодалам: покорность старейшим князьям — добро, непокорность «детеских» князей — зло и приводит к убийству непокорных, но они не становятся святыми, Борис и Глеб предпочли смерть послушанию воле старшего князя и за это «благодати сподобили». Нет ни слова о том, что усобицы губят Русскую землю. Дальше мысли о феодальной субординации обобщение Нестора не простирается. Этот итог «Чтения» вскрывает ограниченность его политической задачи, узость аудитории, к которой оно обращено, — это княжеские круги, те же, что и слушатели «Слова» Илариона.

В похвале, завершающей житийную часть «Сказания», значение культа Бориса и Глеба необычайно расширено.¹²⁵ Похвала как бы заранее суммирует те мотивы, которые читатель ощутит лишь позднее, при чтении уже рассмотренных нами выше рассказов о чудесах.

Во-первых, здесь широко и поэтично сказано об обращенной к народу стороне культа святых князей. Они сияют «в русьскей стороне велицей, идеже много стражующих съпасени бывають»; они ходят «по всем землям», исцеляя больных и посещая закованных в темницах; они скоро приходят на помощь скорбящим; они не ангелы, но люди, их нельзя назвать и князьями, так как они проще и смиреннее людей. Те черты человечности и привлекательности, которые автор умело приписал князьям в их житии и в характеристике внешности Бориса («какъ бе възъръ»), здесь суммированы и обобщены, равно как предвосхищены чудеса с хромыми, слепыми и узниками.

Во-вторых, в рассматриваемой похвале в «Сказании» с большой страстью и патриотическим подъемом выражена лишь намеченная в летописной повести 1015 г. и отсутствующая в «Чтении» мысль об общерус-

¹²² Д. И. Абрамович. Жития... стр. 14.

¹²³ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 44—47.

¹²⁴ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 15, 25—26.

¹²⁵ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 48—51.